

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА**

**УШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1972**

- них государствах Южной Аравии носит иной характер.
- 5.2. Носителями власти являются два элемента – божество и народ, вступающие в отношения союза (договора). Верховным административным и, вероятно, законодательным органом является совет старейшин, состоящий из представителей племен, т.е. народа.
 - 5.3. Правители являются не наместниками бога над народом, обладающим полной и неограниченной властью, а, напротив, магистратами со строго определенными и ограниченными функциями, представителями народа перед богом.
 - 5.4. Таким образом, государственный строй Южной Аравии никак не может быть охарактеризован как теократия. Единство государственной и религиозной организации покоится здесь на другой основе.
 - 5.5. Этой основой является задача государственной (племенной, общинной) организации: обеспечение функционирования общины. Оно достигается как рациональными (хозяйственными, военными и т.п.) так и иррациональными (религиозными, сакральными) средствами, образующими неразрывное единство.

А.С.Мартынов

КАТЕГОРИЯ "ХУА" В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННЫХ КИТАЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

1. Категория "хуа" (изменение, преобразование) принадлежит в системе китайских политических представлений довольно видное место. "Хуа" считается неременной функцией как монарха, так и чиновников. Вместе с тем при непосредственном соотнесении этой категории с конкретной государственной практикой возникает ощущение, что "хуа" не наполнено никаким реальным содержанием.

2. Объяснение этому, столь странному, на первый взгляд, обстоятельству, как нам кажется, следует искать в общем характере китайской государственности. Согласно традиционным политическим представлениям, китайская монархия была мироустроительной. Государственная власть распространялась не только на людей, но и на мир природы. Можно даже сказать, что на природу, как на более общее, в первую очередь, а на людей, как на часть природы, во вторую. В полном соответствии с этим и содержание категории "хуа"

(изменение, преобразование) оказывается в первую очередь космическим, а во вторую — политическим. В том, что это действительно так, можно убедиться, проанализировав определения к "хуа", а также те категории, с которыми "хуа" вступает в сочетания или соседствует в устойчивых выражениях, употреблявшихся в официальных документах.

3. Источником изменений в природе, согласно традиционной китайской точке зрения, являлось чередование стихий инь и ян. Процесс изменений был всеобъемлющим. Он охватывал как Небо, так и Землю, что закрепилось в соответствующем выражении — "тянь ди чжи хуа" ("изменение Неба и Земли"). В космическом "хуа" в качестве наиболее существенных можно выделить следующие аспекты:

1/ чередование стихий инь и ян,

2/ чередование сезонов или временные изменения ("ши хуа"),

3/ процесс становления всего сущего, ("хуа чэн", "чэн хуа" — "/процесс/ завершения изменений"; "шэн чэн чжи хуа" — "/процесс/ изменений в становлении /всего/ живого"; "вань хуа" — "/процесс/ изменения десяти тысяч", то есть процесс изменения всего сущего).

Наиболее частными определениями космического "хуа", вероятно, можно считать ежемесячные характеристики процесса изменений в природе, которые помещались в специальных документах — "месячных приказах" ("юэ лин").

4. Несмотря на то, что процесс изменений в природе китайцы рассматривали, как естественный и спонтанный, он казался им непостижимым ("бу цэ"). Поэтому его наделяли самыми высокими эпитетами — "да хуа" — "великое изменение", "юань хуа" — "изначальное изменение", "чжи хуа" — "предельное изменение", "сюань хуа" — "таинственное изменение", "цзин хуа" — "блистающее изменение" и т.д. Самым крайним в этом ряду будет, пожалуй, "шэн хуа" — "божественное изменение", где естественный процесс заканчивает свое превращение в сакральный.

5. Таинственное, непостижимое и божественное "хуа" могло быть постигнуто лишь тем, кто сам обладал этими качествами, то есть был божественным — "шэн", великим — "да" и совершенномудрым — "шэн". Стандартное определение совершенной мудрости — "тот, кто исчерпав /свои/ божественность — шэн, познает /процесс/ из-

менений - хуа, называется мэн - совершенномудрым. Согласно традиционным политическим представлениям китайцев, таковыми качествами в каждый данный момент в Поднебесной обладал лишь один человек, царствующий монарх, в задачу которого входило постижение процесса изменений и обеспечение его нормального хода.

6. Соприкосновение монарха с таинственным миром "хуа" чаще всего передается в официальных текстах через образ источника, поддерживаемого в чистоте: "я, император, очистил источник изменений и активизировал /в себе/ сущность государя".

Степень влияния монарха на процесс изменений описывается по-разному в зависимости от того, на какой аспект его деятельности падает акцент. Когда на первый план выступает спонтанность процесса, то для его нормального течения требуется лишь присутствие "совершенномудрого": "/ведь когда/ в Поднебесной имеется совершенномудрый, /то/ божественное изменение движется самостоятельно". Однако, воздействие монарха на процесс может быть и более активным. Он стимулирует и направляет его и в конечном счете становится его источником, в связи с чем процесс изменений приобретает существенные новые характеристики, такие как: "августейшее изменение", - "хуан хуа", "государево изменение" - "ван хуа", /процесс/ изменения /при/ замещении Неба /государем/" - "дай тянь чжи хуа" и т.д. Даже тогда, когда монарх практикует недеяние, "хуа - изменение" характеризуется уже через него, через его позицию: "у вэй чжи хуа" - "преобразование недеяннем", "чуй и чжи хуа" - "преобразование /при/ свешивающейся одежде", то есть, преобразование, осуществляемое монархом при сохранении монархом неподвижности, при практике недеяния.

7. Космическое "хуа" остается в обществе тем же самым, что и в природе, т.е. процессом закономерного изменения, преобразования, становления всего сущего. Однако, в мире людей "хуа" приобретает дополнительные характеристики, по сути дела, меняет агента действия, а из-за этого и форму связи с миром. Космическое "хуа" присуще миру, когда как политическое "хуа", входя в обширный класс "государевых влияний" на внешний мир, начинает, подобно им, распространяться в мире: "свань хуа", "бэй хуа", "ши хуа", "хун хуа" и т.д. Таким образом, процесс изменения в природе плавно переходит в преобразующее воздействие монарха на подданных, которое, сохраняя космический масштаб, спонтанный и

мистический характер, может показаться, с реально политической точки зрения, не наполненным конкретным содержанием.

Д.А.Петросян

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО
НЕЛЕГАЛЬНОЙ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ
СРЕДИ МОРЯКОВ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Внимание исследователя, изучающего деятельность тайных антиправительственных организаций в турецкой армии и флоте в период младотурецкого движения, несомненно привлечет маленькая брошюра под названием *بحریہ لیلرہ مکتوب* ("Письмо к морякам")¹.

О нелегальном характере этого издания достаточно выразительно свидетельствует не только его содержание, но и сама форма издания. Семь страниц исполненного почерком риза литографированного текста облечены в серый неприметный бумажный переплет, на котором нет никакого текста. Такую брошюру вполне можно было принять просто за листок серой бумаги, случайно валяющийся на матросской койке или на столике в офицерской каюте. Брошюра не имела указаний на время и место ее издания, как, впрочем, и многие другие нелегальные издания, распространявшиеся младотурками в пределах Османской империи.

Принадлежность брошюры к печатной антиправительственной пропаганде младотурок не вызывает сомнений. На первой же странице говорится о том, что "Османское общество единения и прогресса" ставит своей целью "спасении нации", находящейся в "тисках деспотии". Авторы брошюры писали о царствовавшем султани Абдул-Хамиде II как о правителе, "совершающем преступления". Говоря о султани, авторы заявляли, что "Османское общество единения и прогресса" считает необходимым разоблачать преступные действия "скверного правителя"².

Брошюра обращена к морякам турецкого военного флота. Написана и издана она примерно во второй половине 1897 г. Это видно, прежде всего, из самого текста, в котором мы находим упоминание о том, что "нация более двадцати лет терпит злоупотребления, совершаемые одним лицом..."³. Поскольку из дальнейшего изложения совершенно очевидно, что речь идет о султани Абдул-Хамиде II, вступившем на престол в 1876 г., то становится ясным, что брошю-